

ГЛЭДИС МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня ее книги
о расследованиях эксцентричной
миссис Брэдли переживают
второе рождение. Многие из них
экранизированы Би-би-си.

 GLADYS
MITCHELL

.....

THE MYSTERY
OF A BUTCHER'S SHOP

.....

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

.....

ТАЙНА КАМНЯ
ДРУИДОВ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell

THE MYSTERY OF A BUTCHER'S SHOP

Перевод с английского *А. Кабалкина*

Серийное оформление *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис.

М67 Тайна Камня друидов : [роман] / Глэдис Митчелл ; [пер. с англ. А. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-111336-0

Обитатели тихой деревушки Уэндлз-Парва в страхе и растерянности: сначала бесследно исчезает хозяин поместья, потом в местной мясной лавке обнаруживают труп мужчины. В довершение всего древний каменный алтарь друидов кто-то заливает кровью. По деревушке ползут жуткие слухи, полиция подозревает буквально всех, и тогда к расследованию подключается миссис Брэдли...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© The Executor of the Estate Gladys Mitchell,
1929

© Перевод. А. Кабалкин, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers,
2018

ISBN 978-5-17-111336-0

Глава I

БЕЗРАССУДСТВО ПАССАЖИРА, ОТПЛЫВАЮЩЕГО В АМЕРИКУ

Был понедельник. О таком дне мало что можно сказать.

Чарльз Джеймс Синклер Редси, откликавшийся, как Моррисон у Милна, просто на Джима, сидел на подлокотнике одного из прочных красивых кресел, обтянутых кожей, в библиотеке поместья Мэнор-Хаус, расположенного в Уэндлз-Парва, и задумчиво поддевал мыском ботинка край коврика из овчины.

Адвокат Теодор Грейлинг ехал в удушливо жарком купе для курящих не лучшей английской железнодорожной компании и раздраженно размышлял о том, зачем его клиенту Руперту Сетлею понадобилось заманивать его в такое удаленное место, как Уэндлз-Парва, вместо того чтобы пригласить в свой лондонский кабинет.

Миссис Брайс Харрингей, мать семейства, возлежала на диване и то лениво прикладывалась к пузырьку с нюхательными солями, то капризно

молила богов о прохладном ветерке и требовала у гувернантки еще одеколону.

Энергия сохранилась лишь у самых молодых, только самые старые сохранили довольство жизнью. Самые молодые, представленные Фелисити Брум, незамужней особой двадцати лет, сероглазой яркогубой брюнеткой, и Обри Харрингеем, разменявшим пятнадцать лет и девять месяцев и по этой причине не успевшим сочетаться браком, — сероглазым, смуглым, худым и гибким, — играли в теннис на лужайке главного дома. Старшее поколение воплощала одна миссис Беатрис Лестрендж Брэдли, дважды вдова — черноглазая, с клещевидными руками, в возрасте, представлявшем интерес разве что для ее жадной и хваткой родни. С улыбкой ископаемой песчаной ящерицы она нежилась на солнышке в очаровательном старинном саду дома Стоун-Хаус, тоже в Уэндлз-Парва.

Поезд остановился в Кулминстере, и Теодор Грейлинг вышел на перрон с мыслью, что у станции его должен поджидать шикарный лимузин, а дальше, под деревьями поместья или в самом доме, — чай. Возможно, его даже пригласят остаться на ужин. Он уже обедал в доме Руперта Сетлея, всякий раз отменно; вино там бывало выше всяких похвал, сигары тоже.

Но рядом со станцией было пусто, не считая кеба самого малообещающего, неказистого вида. Теодор Грейлинг поцокал языком и с неумоли-

Тайна Камня друидов

мой суровостью покачал головой, встретившись взглядом с кучером. Щурясь на ярком солнце, он ждал, нетерпеливо постукивая стеком по мыску ботинка.

— Про вас, похоже, забыли, — сочувственно произнес кебмен, сбил кнутом муху со спины лошади и добродушно сплюнул.

Теодор Грейлинг поставил на землю свой аккуратный чемоданчик и прикурил сигарету — легкомысленное добавление к его достойному виду. Посмотрев на кебмена, он во исполнение правил человечности протянул ему золотой портсигар. Тот закурил. Две-три минуты мужчины курили молча.

— Могли бы посидеть внутри, пока ждете, — последовало радушное предложение. — В ногах правды нет.

Теодор Грейлинг пожал плечами.

— Скорее всего за мной никто не приедет, — сказал он. — Мне в Мэнор-Хаус, это в Уэндлз-Парва. Знаете, где это? Хорошо, везите.

И кебмен повез.

Молодой человек, встретивший адвоката в роскошном холле, при упоминании Руперта Сетлея смутился.

— Пройдемте в библиотеку, — предложил он. — Это не так-то просто объяснить. То есть это вообще необъяснимо... — Он помолчал, словно размышляя, правильные ли слова употребляет. —

Глэдис Митчелл

Объяснить чрезвычайно трудно. Дело в том, что он отправился в Америку.

Теодор Грейлинг в удивлении проследовал за молодым человеком в библиотеку.

— Я — Редси, — начал молодой человек — крупный, взъерошенный, приятный, хотя в данный момент присущее ему откровенное выражение лица было искажено напряжением и тревогой, а нервная манера разговора совсем не шла. Наклонившись, он распрямил уголок коврика, который до того неустанно пинал, и предложил адвокату кресло.

— Итак, ваш кузен отбыл в Америку? — проговорил Теодор Грейлинг, сведя вместе кончики пальцев и благодушно их разглядывая. — Когда?

— Сегодня. — Наконец-то молодой человек смог сказать что-то уверенно. — Ранним утром.

— Сегодня? Каким судном?

— Судно? — Джим Редси неубедительно хохотнул. — Не знаю. «Кунард-Лайн», наверное, да, именно эта пароходная компания, но название парохода... — Он свел брови на переносице. — Знал ведь, но напрочь забыл!

— В Америку... — задумчиво промолвил Теодор Грейлинг. — Странно. Очень странно! Не объясните мне, зачем тогда он вызвал меня сюда сегодня для обсуждения и внесения изменений в свое завещательное распоряжение относительно собственности?

Тайна Камня друидов

— Что?! — вздрогнул Редси. — Вы хотите сказать, что он пригласил вас сегодня сюда? Ну и ну! — Он присвистнул. — Видимо, ум зашел за разум! Послушайте, сейчас мы будем пить чай с моей тетушкой. Лучше обсудим все вместе.

Адвокат приподнял брови, потом кивнул и стал разглядывать корешки книг на застекленных полках. Редси, облегченно переведя дух, опустился на подлокотник прочного кожаного кресла и взял со столика спортивный журнал.

На лужайке перед библиотекой двое молодых людей, пятнадцатилетний паренек и двадцатилетняя девушка, продолжали играть в теннис. В высокие, от пола, открытые окна влетали их звонкие голоса и звуки ударов ракетками по новому мячику. Окна, часть теннисной сетки, угол зеленой лужайки и порой сами фигуры игроков в белом отражались в стеклянных дверцах книжного шкафа, будто привлечшего внимание Теодора Грейлинга. В действительности же адвоката не занимали сейчас ни книги на полках, ни отражения в стекле. Слишком уж озадачило его известие, сообщенное молодым человеком, восседавшим на толстом подлокотнике кресла. Минут пять пошевелив мозгами и ни до чего не додумавшись, он отвернулся от книжного шкафа так внезапно, что испуганный молодой человек уронил на пол свой иллюстрированный спортивный еженедельник и спросил с непривычной для него резкостью:

— Вам известно, что ваш кузен пригласил сюда на несколько недель викария для инвентаризации всего этого, — он обвел рукой великолепную библиотеку, — и для рекомендаций по гербарии альпийской флоры?

Джим Редси разинул от изумления рот, попытался ответить, но не нашел слов. Он побледнел, стал заикаться и для выигрыша времени нагнулся за упавшим журналом. Положив его с излишней тщательностью строго посередине столика, облизнул губы, вытер вспотевшие ладони о свои брюки-гольф и предпринял еще одну попытку объясниться:

— Нет, я не знал об их приезде, то есть о его... Как вам известно, то есть неизвестно... я пробуду здесь только до тех пор, пока меня не вызовут на работу. Мне обещали место в Мексике. Неизвестно, что это за работа, наверное, что-то связанное с лошадьми и с кучей подчиненных... Мне не терпится туда попасть. Я оставил свои вещи в Лондоне, а тут коротаю время, пока не получу вызов. Конечно, Сетлей молодец, что поселил меня здесь, хотя мы с ним были почти незнакомы. Наши с ним матушки не очень ладили. Они были близнецами, и моя мать всегда считала, что тетя Поппи, его мать, сыграла с ней нехорошую шутку, родившись часа на два раньше ее. По праву первородства тетушка получила после смерти их папаши почти все — дом и другую собственность, а моей матери досталась мелочь, ка-

Тайна Камня друидов

кая-то нищенская тысяча фунтов. Конечно, тысяча фунтов — неплохие денежки, но мою мать тоже можно понять. В конце концов, когда чего-то ожидаешь, а получаешь совсем не то, сильно огорчаешься. У нее всегда было ощущение, что с ней обошлись несправедливо. Полагаю, вам известно, что третейский судья отклонил иск. Мать не уставала судиться и не прощала тете Поппи решения суда. Дурацкое имя — тетя Поппи! Оно меня всегда удивляло. Звучит как сценический псевдоним в варьете! Не очень-то пристойное имечко, вы меня понимаете? Правда, мою тетю Поппи нельзя было назвать непристойной, — с сожалением заключил он.

— В самом деле, — рассеянно пробормотал адвокат. — Знаете, внезапное отплытие вашего кузена в Америку привело меня в полную растерянность, — продолжил он, торопясь вернуться к главной теме. — Без предупреждения, заметьте! Это совершенно не похоже на Руперта Сетлея! Я знаком с ним уже много лет и не могу поверить, чтобы он взял и отправился в Америку вот так, без предупреждения.

Джим Редси мысленно был с ним заодно. Он представил Руперта Сетлея — малопримечательного смешливого толстяка, всякий раз слишком хорошо одетого, переевшего, самодовольного. Руперт Сетлей был презренным щеголем, тщательно обдумывавшим каждое свое словечко, не говоря о каждом поступке. Трудно поверить, что

такой человек рванул в Америку вот так, вдруг. Сказать «трудно» — ничего не сказать, поправил себя Джим Редси, стремившийся к беспристрастности. Невозможно! В Руперте Сетлее было пять футов семь с четвертью дюймов, считая носки — неподходящий рост для подобных порывистых поступков.

— Что могло заставить вашего кузена сорваться с места? — сурово спросил адвокат, нарушив ход мыслей Редси. — Каков был мотив?

Джим неуверенно улыбнулся. Адвокат заметил, как растерянно он шевелит пальцами.

— Мотив? — Словечко резануло слух Джима, как злое. — В каком смысле мотив?

Прежде чем адвокат успел ответить, звуки за сценой, как выражаются в театре, оповестили о приближении единственной родственницы Джима. Важно было то, что Джим впервые за всю свою жизнь был рад ее появлению. Еще из двери библиотеки она капризно потребовала чаю.

Миссис Брайс Харрингей была, что называется, роскошной женщиной: рослой, крупной, энергичной. Ввиду своего родства с отсутствующим Рупертом Сетлеем она без стеснения требовала от него гостеприимства, вторгалась в его дом, требовала, чтобы ей прислуживали его слуги, возили его машины, чтобы еда в его доме соответствовала ее вкусам. Так происходило лето за летом с удручающей регулярностью. Руперт ненавидел ее от всей души, Джим тоже. Это бы-

Тайна Камня друидов

ло единственной связующей нитью между двумя этими совершенно несхожими натурами. В чем сходились двоюродные братья, так это в том, что любой компании, даже самой веселой, категорически противопоказано присутствие их тетки. И наоборот, оба были готовы терпеть любую скуку, проявлять полную покладистость, лишь бы ее не было рядом. Они сходились также в том, что ее поведение на людях совсем немного недотягивает до безумства сумасшедшей, уверенной, что она воплощает собой гибрид Лорелей Ли и царицы Савской. Если бы Джиму предоставили выбор между чумой и беседой с тетей Констанс, то он без размышлений выбрал бы чуму вместе со всеми неприятностями.

Миссис Брайс Харрингей неизменно сопровождал в ее набегах на Мэнор-Хаус сын Обри, приятный умный мальчик, и шпицы Мария и Антуанетта, которых тоже можно было бы назвать приятными и умными, если бы не то неистовство, с каким их нежила хозяйка и с каким их сторонились чужие люди. От злобного тьявканья Марии и Антуанетты никому не было житья, а тут еще их склонность к воровству! Джим Редси не знал толком, распространяется ли его ненависть к тетушке Констанс на ее собачонок или он не выносит шпицев даже сильнее их хозяйки. Когда выпадало свободное время, Джим Редси был не прочь поломать голову над данной проблемой. Джим был тугодумом.

На сей раз тетушка предстала перед ним без твякающего сопровождения. Потребовав чаю, она опустила свои сто восемьдесят с лишним фунтов богоподобной плоти в удобное кресло, грациозно расправила воздушные, но обильные одеяния, скромно сложила руки на коленях, выпрямила спину, осуждающе уставилась на Джима Редси и ядовито осведомилась:

— Что такое, Джеймс?

— Разрешите вам представить: мистер Теодор Грейлинг, — пролепетал Джим, избегая ее взгляда василиска.

— Я уже давно знакома с мистером Грейлингом, — холодно заметила тетушка и ослепительно улыбнулась адвокату семейства, демонстрируя мастерство своего дантиста. — Ты мог бы сам об этом догадаться. — Племянника она не сочла нужным слепить улыбкой.

— Конечно, тетя Констанс, — взволнованно отозвался Джим.

— Но для этого, — продолжила она, — нужно обладать разумом хотя бы летучей мыши. Тебе, конечно, до этого далеко. А теперь послушай меня: я сделала пугающее открытие!

Джим издал нечто среднее между стоном и воплем страха. Адвокат и миссис Брайс Харрингей опасливо покосились на него и переглянулись.

— Но знаете ли... Одним словом... — залепетал Джим. — Я хочу сказать, что все только к лучше-

Тайна Камня друидов

му. Все выпадающие нам испытания делают нас сильнее... и все такое прочее.

— Согласна, — холодно промолвила миссис Брайс Харрингей. — Похоже, мне действительно предстоит испытание. Твоя внезапная вспышка симпатии чрезвычайно трогательна, тем более что с леди, о которой идет речь, ты незнаком.

— Что? — пробормотал Джим, доставая цветастый шелковый платок и вытирая себе лоб. — Какой душный день! Что? Леди? — Он с трудом скрывал облегчение.

— Миссис Лестрендж Брэдли поселилась в Стоун-Хаусе.

Глава II

ФАРС ИЮНСКИМ ДНЕМ

— Мама, — рассказывал Обри Харрингей, подбирая четвертый мячик и кладя его в веревочную сумку, — ходячий справочник «Кто есть кто», знает все обо всех.

— Все собрал? — спросила его Фелисити Брум, шаря ракеткой в кустах.

— Все четыре: К — Ксенофонт, П — Пандора, К — Сивилл Торндайк, и этот, с черной полоской — Кью, Куинс.

— Я не поняла про «К», — призналась Фелисити, начав снимать теннисную сетку.

— Сивилл Торндайк. Ты не видела ее в театре «Хаммерсмит Аполло» в роли Мегеры Кэтрин?